

[Q: Есть способ избавиться от осложнений симбиоза?]

[Дундунань: Вообще никак. Был бы способ, я бы давно им воспользовался.]

[Дундунань: Лучший вариант — почаще пересекаться с этим человеком. И тебе легче, и ему в радость. Зачем понапрасну мучить друг друга?]

Ли Цинъюй шёл по территории Университета А обратно в общежитие. Вглядываясь в экран телефона и перечитывая сообщения Сюэ Дуннина, он всё сильнее хмурил брови. Неужели от осложнений симбиоза действительно нет спасения?

[Q: А... какие побочки у того подавителя, что ты давал?]

Вообще-то Ли Цинъюй и сам уже догадывался о последствиях — вчерашняя лихорадка и всплеск феромонов давали вполне однозначный отклик. Оставалось лишь радоваться, что в больнице его феромоны улеглись и не вырвались наружу, как в общежитии, иначе Чэн Вэй точно бы всё заметил.

Телефон снова завибрировал — ответ от Сюэ Дуннина пришёл незамедлительно.

[Дундунань: Откат будет ещё жестче.]

[Q:?]

[Дундунань: В буквальном смысле. Тяга к человеку и жажда его феромонов вспыхнут с удвоенной силой.]

[Q:....]

Дело дрянь.

[Дундунань: Я же с самого начала предупреждал: у этой дряни дикие побочки, часто баловаться нельзя.]

Ли Цинъюй только собрался ответить, как телефон вырвали у него прямо из рук.

Перед ним возникло разъярённое лицо Чэн Е. Крепко сжав чужой смартфон, тот с порога накинудся на него:

— С кем ты там переписываешься?! Я тебя зову-зову, а ты ноль внимания!

Следом за ним, едва переводя дыхание, подбежал Сюй Вэйжань:

— Тише-тише, не кипятись ты так.

Ли Цинъюй замер, не сразу сообразив, что происходит.

Вид растерянного Цинъюя лишь подлил масла в огонь. Чэн Е вспыхнул ещё сильнее:

— Где ты шляется?! В комнате тебя нет, на звонки не отвечаешь!

Он буквально брызгал слюной от злости. Сюй Вэйжань поспешил сгладить углы:

— Ну нашёлся же, чего орать-то? Хотя, Сяо Юймао, ты и впрямь куда с утра пораньше пропал? Только сейчас объявился.

Глядя на бешенство и взвинченность Чэн Е, Цинъюй грешным делом подумал, будто тот ещё с ночи заметил его отсутствие и искал до самого утра. В душе на мгновение вспыхнула робкая, радостная надежда. Однако слова Сюй Вэйжана мгновенно опустили его на землю: Чэн Е только утром понял, что Цинъюя нет в комнатах. А значит... тот действительно прошлую ночь провёл вне дома.

Едва зародившаяся радость сменилась глухой пустотой. Настроение Цинъюя мгновенно испортилось.

Видя, что тот молчит, уткнувшись взглядом в землю, Чэн Е насупился ещё сильнее. Будучи младшим избалованным сыном в семье, он отроду не отличался кротким нравом. Сунув телефон обратно Цинъюю в руки, он злобно развернулся и ушёл.

Сюй Вэйжань перевёл растерянный взгляд с одного на другого, не зная, за кем бежать: то ли догонять и успокаивать Чэн Е, то ли остаться и поддержать Цинъюя.

В этот момент гаджет в руках Цинъюя запел. На экране высветилось имя: «Линь Чжао».

Он ответил без промедления:

— Алло.

Закончив разговор и выслушав короткие гудки, Цинъюй опередил готового заговорить Сюй Вэйжана:

— Я сейчас не пойду в общежитие, мне нужно съездить домой.

— Ладно, тогда я сгоняю к Чэн Е, поговорю с ним, — кивнул Сюй Вэйжань. — Ты только не принимай близко к сердцу, он ведь просто за тебя переживает.

Ли Цинъюй посмотрел на список вызовов — пропущенные от Чэн Е начинались только с шести утра, всего семь или восемь звонков. На губах Цинъюя мельком проскользнула горькая усмешка.

Если бы тот действительно переживал, то заметил бы его отсутствие ещё прошлым вечером.

Тётушка и дядя были коренными жителями Города А. Сам Цинъюй перебрался к ним в четырнадцатилетнем возрасте — тогда же, перейдя в новую школу, он и познакомился с Чэн Е.

Дорога домой была неблизкой: сперва с двумя пересадками на автобусе, затем на метро.

Остановившись у порога квартиры, Ли Цинъюй немного помедлил, перехватывая дыхание.

С родственниками он общался не то чтобы часто. Дядя с тётей вечно пропадали на работе, к тому же Линь Чжао заканчивал выпускной класс и готовился к вступительным экзаменам, поэтому всё внимание взрослых было приковано к нему.

Цинъюй не предупреждал о своём приезде. Причиной столь спонтанного визита стал тревожный звонок Линь Чжао, который со слезами в голосе обмолвился, что родители сильно ссорятся.

Выпускники предэкзаменационной поры — народ ранимый и нервный, вот Цинъюй и решил проверить, что стряслось.

Дверь отворилась изнутри, и тётушка Гао Сяолань всплеснула руками:

— Сяо Юй? Ты как здесь? Хоть бы предупредил заранее!

Она нагнулась, достала из обувницы его домашние тапочки и, пристально оглядывая племянника с ног до головы, причитала:

— Ты вообще нормально питаешься? Опять исхудал, вида никакого нет, бледный весь. Экзамены да состязания твои дают? Я же тебе сколько раз повторяла: выкладывайся насколько можешь, а жилы рвать не надо. Главное — не переутомляйся.

Старшее поколение словно не умеет иначе — стоит им увидеть младших, как тут же

начинается нескончаемая ворчливая забота. Но Цинъюя это ничуть не раздражало, скорее наоборот. Лишь тот, кто терял родных, способен до конца понять, насколько драгоценно и тепло это искреннее беспокойство.

— Вот ведь свалился как снег на голову, а у меня даже нормальной еды в доме не приготовлено!

— Да не стоит, тётушка, я перекушу чем придётся, — мягко возразил Цинъюй.

— Как это чем придётся! — протестующе отозвалась та, уже заказывая доставку тушёной говядины через привычное приложение в телефоне.

Ли Цинъюй смущённо почесал затылок:

— Тётушка, вы так меня балуете, я в следующий раз просто постесняюсь приходить.

— Что за глупости ты несёшь, глупый ребёнок! Наш дом — твой дом, с чего бы тебе стесняться? Ты присядь пока, а я... Линь Чжао! Линь Чжао! Спускайся скорее, твой брат пришёл!

Вскоре на лестнице появился юноша в школьной форме. Он унаследовал лучшие черты родителей: высокий, длинноногий, со смугловатой здоровой кожей и правильными чертами лица, от него так и веяло неукротимой юношеской энергией.

Завидев Цинъюя, Линь Чжао расплылся в открытой улыбке:

— Брат, ты вернулся!

Не успели братья толком обменяться приветствиями, как Гао Сяолань ойкнула:

— Ой, беда-то какая!

И вихрем помчалась на кухню.

Цинъюй поспешил за ней. Кухню уже заволокло едкой гарью; на плите чадила скороварка. Тётушка потянулась к раскалённой крышке и тут же отдёрнула руку с тихим вскриком.

Цинъюй ловко отвёл её в сторону, привычным движением перекрыл газ, подхватил пригорающую кастрюлю и переставил в раковину. Раздалось шипение холодной воды из крана.

Гао Сяолань смущённо и виновато улыбнулась:

— Сяо Юй... кабы не ты, сгорели бы дотла.

Линь Чжао стоял в дверях с обречённым видом:

— Мам, ну просил же тебя не устраивать эти кулинарные эксперименты!

— Да какие эксперименты! В следующий раз уже толковее выйдет! — оправдывалась та.

Ли Цинъюй спохватился:

— Тётушка, а где матушка Ван?

Дядя Линь Госян души не чаял в жене и за все годы брака не позволял ей пачкать руки домашними делами, содержать и шофёра, и кухарку. Но кухарки, ведавшей кухней, почему-то не было видно.

Гао Сяолань смущённо заправила прядь волос за ухо:

— Да вот... рассчиталась, уехала к себе в деревню.

— Так наняли бы новую! — буркнул Линь Чжао. — Брат, ты не представляешь: мама ни с того ни с сего решила, что сама станет готовить. Уже неделю бьётся, ни одного съедобного блюда не вышло, всё равно приходится доставку вызывать.

Тётушка метала в сына грозные взгляды, заставляя замолчать, после чего повернулась к Цинъюю:

— Не слушай его, Сяо Юй. Просто задор пришёл, захотелось вспомнить молодость. Я ведь до свадьбы даже жареный рис умела делать! Это дядя твой за столько лет избаловал, вот руки и отвыкли. Ничего, поднабью руку — и всё пойдёт как по маслу.

Заметив покрасневшую от пара кожу на её кисти, Цинъюй достал из аптечки мазь и аккуратно обработал ожог.

Гао Сяолань глядела на него с нежной улыбкой:

— Вот кто о тёте заботится! Не то что этот лоботряс — одни убытки от него.

Линь Чжао лишь закатил глаза.

У Цинъюя же на душе кошки скребли. Линь Чжао не догадывался, зато сам он всё прекрасно понимал.

Похоже, финансовые дела семьи совсем скверны, раз пришлось уволить даже кухарку.

И вынудить женщину, которую тридцать лет носили на руках словно балованную барышню, встать к раскалённой плите.

Раз уж Цинъюй приехал, ни о какой покупной еде не могло быть и речи. Ещё в детстве, живя с бабушкой, он обучился кулинарному искусству, а в последние годы её тяжёлой болезни и вовсе полностью взял на себя всю стряпню.

Вскоре стол ломился от аппетитных домашних блюд.

Прозвенел дверной звонок. Ли Цинъюй пошёл отворять — привезли тушёную говядину.

На пороге стоял курьер с помятым контейнером в руках; его рабочие штаны на коленях были продраны.

Увидев заказчика, парень виновато улыбнулся:

— Извините, пожалуйста... На дороге гололёд, поскользнулся и упал. Давайте я возьму вам стоимость?

Цинъюй взял пакет. Контейнер действительно треснул, но само мясо не пострадало — еда осталась чистой.

— Не нужно, всё в порядке, доесть можно. Спасибо за работу.

Услышав это, курьер перевёл дух. По дороге сюда он готовил себя к худшему: попадись скандальный клиент, пришлось бы и раскланиваться, и выплачивать вдвое больше. Кто бы мог подумать, что этот юноша с холодным видом окажется настолько отзывчивым.

Он снова поклонился, ещё раз извинился и уже собирался уходить, когда Цинъюй окликнул его.

У курьера ёкнуло сердце — неужели всё-таки решит устроить разборки?

— Подождите пару минут.

Пока курьер тревожно переминался с ноги на ногу, Ли Цинъюй вынес из комнаты

антисептический спрей, ватные диски и пачку пластырей.

— Обработайте рану на колене, прежде чем ехать дальше.

Говядину переложили на чистую тарелку. На столе красовалось изобилие блюд, манящих ароматом и видом.

Сняв фартук, Цинъюй сел за стол, где тётушка уже успела наполнить пиалы рисом.

Линь Чжао чуть не прослезился от восторга:

— Брат, приезжай почаще! Это же объедение!

— Ещё чего удумал! — шутливо осадил его мать. — У брата свои дела есть, некогда ему к тебе в кухарки наниматься.

Ли Цинъюй улыбнулся:

— Что, в школьной столовой совсем плохо кормят?

— Паршиво, — честно признался Линь Чжао. — Хотя после маминой стряпни местная еда кажется шедевром.

Линь Чжао учился в престижном частном лицее, где в каждом классе стояли микроволновки. Раньше матушка Ван ежедневно собирала ему аккуратные ланч-боксы, которые он разогревал во время обеда. Теперь же, когда кухарка ушла, а за готовку взялась мать, бедняга уже вторую неделю питался в столовой.

За едой Цинъюй как бы между прочим поинтересовался:

— А дядя сегодня не приедет?

Гао Сяолань осеклась, нахмурилась:

— Да ну его. Пусть делает что хочет.

Ссора была очевидна.

На памяти Цинъюя дядя с тётушкой души друг в друге не чаяли. Как бы дядя ни зашивался на работе, он всегда находил время поужинать дома, а в командировках неизменно звонил по

видеосвязи к каждому обеду и ужину. Сегодня же — ни дяди, ни звонка.

Верно, дело снова в проблемах компании. Цинъюй просто не мог вообразить иной причины, способной развести по разным углам эту неразлучную пару.

Покончив с трапезой, Цинъюй поднялся в комнату к кузену. Он разузнал про успеваемость и постарался настроить парня на нужный лад: уговорил не забивать голову взрослыми усами и сосредоточиться на главном — выпускных экзаменах.

Уже перед самым отъездом Гао Сяолань пошла провожать его до остановки:

— Лао Чжан сейчас в отгуле, а то подвёз бы тебя...

— Не переживайте, тётушка, идите домой, прохладно ведь, — попросил Цинъюй.

Февральские вечера быстро накрывали город тьмой, и к сумеркам мороз заметно крепчал. На Гао Сяолань была лишь лёгкая кофточка, и она поеживалась от сырого холода.

— Ничего, — она потёрла зябнувшие ладони, — я тебя на автобус посажу.

Подошёл нужный маршрут.

Прежде чем ступить на подножку, Ли Цинъюй вдруг импульсивно повернулся и крепко обнял тётю.

Она ласково погладила его по макушке:

— Если станет тяжело или кто обидит — сразу говори мне, понял?

У Цинъюя подступил к горлу комок. С огромным трудом совладав с чувством, он глухо выдохнул:

— Понял.

Автобус тронулся, унося городские пейзажи за стекло. Цинъюй уселся у окна и оглянулся: тётушка всё ещё стояла у тротуара, маша ему вслед.

Она и правда очень сильно сдала — тонкое пальто лишь подчеркивало её хрупкость.

Глаза щипало от слёз, в груди болезненно сжалось сердце.

Вернувшись в общежитие ближе к вечеру, Цинъюй, к своему удивлению, застал Чэн Е в комнате.

Тот при виде Цинъюя даже головой не повёл, сделав вид, будто в комнату никто не входил.

Цинъюй всё понял: Чэн Е ждал извинений.

Но сейчас ему было совершенно не до чужих капризов. Умывшись в умывальнике на этаже, он молча забрался на свою кровать.

Чэн Е, наблюдавший, как тот прошёл мимо и зарылся под одеяло, разразился ещё большей яростью.

Он честно выждал ещё с полчаса, надеясь, что Цинъюй хотя бы заговорит, но за пологом царил полная тишина.

Не выдержав, Чэн Е со всей силы пнул стойку кровати и процедил сквозь зубы:

— Ладно! Прекрасно! Попробуй только теперь до конца жизни со мной заговорить!

Ли Цинъюй ещё в постели вставил в уши беруши, отрезав себя от внешнего мира.

Печальное положение семьи и сгорбленный образ тётушки на остановке камнем давили на грудь.

Его охватило запоздалое сожаление: тогда, в больнице, нужно было пересилить гордость и спросить у Чэн Вэя напрямую.

Да, предприниматели во всём ищут выгоду, а дельцы уровня Чэн Вэя — тем более.

Но если бы он хотя бы заикнулся... Пусть без гарантий на успех, зато он попытался бы!

А не сидел сложив руки, неспособный хоть чем-то помочь близким.

«Может... попробовать встретиться с Чэн Вэем ещё раз?»

Но эту мысль тут же отравлял липкий страх.

Влияние высокого уровня совпадения феромонов оказалось куда опаснее, чем описывали научные статьи и медицинские сводки.

Только ощутив это накануне на собственной шкуре, он осознал, насколько непреодолимо тянет прикоснуться к человеку, искать его тепла, растворяться в нём. Это влечение действовало как сильнейший опиат.

Ощущал ли Чэн Вэй хоть что-то подобное? Вряд ли столь же сильно. С его-то проницательностью он давным-давно всё понял бы.

Всё-таки фальшивые лекарства — настоящее проклятие.

<http://bllate.org/book/20116/1991899>